

После того как Чжоу Це и главный евнух удалились, Янь Сюнь велел слугам поднять упавшую в обморок служанку и, приказав хорошенько о ней позаботиться, покатил кресло с Сяо Юэбаем обратно во дворец Фуюй.

На просторной площадке перед дворцом в ожидании застыли восемь стражников, двое ямыньских приставов, владелец аптеки с помощником и супруги Лю. Стража, не получив нового приказа, стояла не шелохнувшись — ровные ряды, прямые спины, никто не смел покинуть пост. Приставы же выглядели заметно утомленными, а остальные четверо и вовсе едва держались на ногах от жары.

Время близилось к сезону Байлу, но зной и не думал отступать. Сейчас, в час Вэй, солнце палило немилосердно. Густые, ослепительные лучи пронизывали всё вокруг, заставляя людей жмуриться. Перед дворцом Фуюй не было ни клочка тени, и открытая площадка превратилась в гигантскую паровую корзину, в которой заживо томились присутствующие. Лица их побагровели, пот катился градом, а подошвы сапог, казалось, вот-вот прилипнут к раскаленным камням.

Янь Сюнь небрежным взмахом руки отпустил стражников, после чего направился напрямик внутрь, не удостоив остальных даже взглядом.

Приставы, которым Чжоу Це велел присматривать за свидетелями, вынуждены были страдать под солнцем до особого распоряжения. Видя, что второй принц собирается уйти, один из них, набравшись смелости, окликнул его:

— Ваше Высочество, господин Чжоу...

В этот момент старая женщина из четы Лю, чей разум уже помутился от перегрева, внезапно пришла в себя. Увидев лицо Янь Сюня, она бросилась вперед и вцепилась в его руку, истошно заголосив:

— Верни мне сына! Верни...

Голос её, сорванный долгим плачем, звучал хрипло и неразборчиво, а пальцы, подобные сухим сучьям, мертвой хваткой впились в запястье принца.

Янь Сюнь поморщился от боли, но не стал вступать в пререкания. Он лишь холодно бросил приставам:

— Ваш начальник занят расследованием, ему сейчас не до вас.

Он хотел было стряхнуть руку старухи, но прежде чем успел пошевелиться, за спиной раздался глухой звук удара тела о землю. Оглянувшись, принц увидел, что старик Лю рухнул без чувств.

Старуха с ненавистью сверкнула глазами на Янь Сюня, тут же разжала пальцы и, спотыкаясь, бросилась к мужу.

— Старик! Проснись, ну же, открой глаза!.. — причитала она, легонько хлопая его по щекам.

Янь Сюнь окинул их равнодушным взглядом и уже собирался войти в покои, но Сяо Юэбай подал голос:

— Почему бы вам всем не зайти внутрь и не отдохнуть в прохладе?

Увидев мягкое и доброе выражение лица Сяо Юэбая, люди торопливо поблагодарили его и, поддерживая друг друга, потянулись в залу.

Сяо Юэбай велел служанкам поднести гостям холодного чая и лекарств от жара, и только после этого позволил Янь Сюню везти его во внутренние покои.

Едва они оказались внутри, Янь Сюнь плотно закрыл двери. Склонившись над учителем, он спросил:

— Учитель, в кресле ведь неудобно? Позвольте, я перенесу вас на кушетку.

Сяо Юэбай улыбнулся:

— Что ж, хорошо. Полагаюсь на тебя, А-Сюнь.

Стоило Сяо Юэбаю обвить шею юноши руками, как Янь Сюнь подхватил его под поясницу и легко поднял. Дыхание учителя коснулось кожи на шее принца, вызвав мгновенный жар, словно по телу провели мягким перышком.

В сердце Янь Сюня шевельнулось странное, необъяснимое волнение. Ему мучительно захотелось стать еще ближе к этому человеку. Опустив Сяо Юэбая на мягкую кушетку, он не отстранился, а прижался лбом к его ключице и тихо позвал:

— Учитель...

Сяо Юэбай ласково коснулся волос на его лбу и негромко рассмеялся:

— Ваше Высочество, почему ты стал таким ласковым?

Янь Сюнь поднял голову, глядя на него с робкой преданностью:

— Я такой только с вами. Вы ведь не станете меня презирать за это?

От этих слов Сяо Юэбай внутренне напрягся, сердце его забилось чаще, а к лицу прилил румянец. В глазах цвета персика на мгновение вспыхнул такой яркий свет, словно в них разом расцвели тысячи бутонов.

Он поднял руку, стирая капельки пота со лба Янь Сюня, и с нескрываемым обожанием ответил:

— Я бы рассердился, если бы ты вел себя так с кем-то другим.

— Никогда. Мне довольно одного учителя, — Янь Сюнь снова прильнул к груди Сяо Юэбая. Слушая, как мерно бьется сердце под кожей, и чувствуя ласковые похлопывания по спине, он прикрыл глаза. На душе было по-кошачьи спокойно. Спустя мгновение он едва слышно прошептал: — Я узнал того мертвеца.

Сяо Юэбай слегка вздрогнул от неожиданности:

— Кто это?

— С вероятностью в девять из десяти — слуга, постоянно находившийся при императорском брате. Имени его я не знаю, но хорошо помню шрам у него на руке, в ложбинке между большим и указательным пальцами, — Янь Сюнь нахмурился, восстанавливая детали в памяти. — Длинный такой рубец. И телосложением они очень похожи.

Сяо Юэбай хотел было спросить, почему принц не сказал об этом Чжоу Це сразу, но тут же осекся. Если бы Чжоу Це, и без того подозревавший Янь Сюня, услышал это от него, он бы наверняка решил, что принц как-то причастен к смерти слуги. Гораздо разумнее было позволить главе Дали-сы докопаться до истины самостоятельно.

— Чжоу Це привел четырех человек: двое из аптеки, двое — родители Лю Юаня. Я пока не до конца понимаю их роль, но, судя по всему, они видели кого-то из слуг дворца Фуюй. Вот только те, кого они видели, не входят в число восьми евнухов, что служат здесь сейчас. Очевидно, кто-то переоделся слугой. Раз труп принадлежал человеку наследного принца, значит, Янь Юй его и убил. Тело бросили в пруд с лилиями, подбросили жетон дворца Фуюй... Всё это — чтобы направить Чжоу Це по ложному следу и подставить тебя? — Сяо Юэбай задумчиво прищурился. — Но зачем уродовать лицо? Это лишь доказывает, что убитый не был тем самым «лже-слугой». Зачем тогда убивать его? А если уж убивать, то почему не того, кто действительно разыгрывал спектакль?

Янь Сюнь одно время подозревал третьего брата, Янь Ци, но, увидев труп, понял: всё дело об отравлении Янь Юя — от начала и до конца лишь постановка самого наследного принца. Выслушав рассуждения учителя, он покачал головой:

— Будь я на месте императорского брата, я бы так не поступил. Даже если изуродовать лицо, установление личности — лишь вопрос времени. Когда Чжоу Це узнает, что верный слуга наследного принца погиб в пруду, имея при себе жетон дворца Фуюй, это лишь породит лишние подозрения к самому Янь Юю. Слишком топорно.

— Верно. Неясно, к чему он клонит, — Сяо Юэбай приобнял Янь Сюня покрепче, а затем протянул ладонь к его лицу и мягко спросил: — Ваше Высочество, помнишь, что ты мне обещал?

Янь Сюнь скользнул взглядом по изящным пальцам учителя, задержавшись на круглой отметине от зубов на мизинце. Он подался вперед и, прильнув губами к этому следу, невнятно пробормотал:

— Конечно. Я всегда держу слово.

Кончик его языка коснулся старой отметины, после чего юноша отстранился. Тепло ушло, и Янь Сюнь, выбравшись из объятий, серьезно протянул учителю обе ладони:

— Учитель, выбирайте любой палец, какой хотите.

В этот момент из широкого рукава показалось его правое запястье. Нежная кожа была покрыта багровыми следами от хватки старухи Лю. Увидев это, Сяо Юэбай мгновенно накрыл его руку своими ладонями, голос его дрогнул:

— Больно?

— Нисколько, — Янь Сюнь мотнул головой. — Учитель, кусайте же.

— Ты уверен? — Сяо Юэбай не сводил горящего взгляда с лица принца. — Тебе не будет больно?

Янь Сюнь ответил предельно искренне:

— Раз кусаете вы, мне не страшно.

— Хорошо, — Сяо Юэбай склонился и осторожно прикусил мизинец Янь Сюня.

Принц не чувствовал боли. Его взгляд невольно упал на шею учителя, обнажившуюся из-за наклона головы. Слепительно белая кожа, казалось, сама излучала свет. Янь Сюнь бессознательно потянулся свободной левой рукой, чтобы коснуться её, но тут же испугался собственной дерзости и резко отдернул руку.

Сяо Юэбай отпустил палец и, подняв голову, с недоумением спросил:

— У меня что-то на шее? Грязь?

Янь Сюнь, не зная, что ответить, выпалил первое, что пришло в голову:

— Сухой листик прилип.

Сказав это, он тут же понял, как нелепо прозвучала ложь — откуда в закрытой комнате взяться сухому листу?

К счастью, Сяо Юэбай не стал расспрашивать. Он лишь виновато прошептал:

— А-Сюнь, больно?

Принц посмотрел на свой мизинец: на нем красовался свежий след от зубов, влажный и поблескивающий. Неизвестно почему, но его щеки вдруг обдало жаром, а глаза защипало.

Сяо Юэбай, старавшийся кусать совсем легонько, не ожидал такой реакции. Увидев покрасневшие глаза юноши, он тут же раскаялся:

— Ваше Высочество, сильно болит? Прости меня, это всё я...

Янь Сюнь долго молчал, не сводя глаз с учителя, а потом вдруг произнес:

— Болит. Очень больно. Учитель, вы меня обидели.

Сяо Юэбай видел, что принц лукавит, но подыграл ему:

— Раз я тебя обидел, как мне загладить вину?

Янь Сюнь притворно задумался:

— Может, отмените мне уроки на три дня?

— А если я не соглашусь? — поддразнил его Сяо Юэбай.

— Тогда я расплачусь, — Янь Сюнь обиженно надул губы. — Буду плакать, пока не согласитесь.

— Ну хорошо, — Сяо Юэбай притворился, что сдаётся под напором. — Я проявлю великодушие и освобожу тебя от занятий на три дня.

Янь Сюнь был невероятно одарен, и задания учителя давались ему без труда. Он просил об этом лишь ради того, чтобы еще раз почувствовать, как Сяо Юэбай ему потекает.

Принц просиял:

— Учитель, вы лучше всех на свете!

Янь Сюнь не знал любви матери, не был близок с отцом и братьями, а в детстве и вовсе терпел лишь издевательства. Если не считать Хань Ши, Сяо Юэбай действительно был единственным, кто по-настоящему заботился о нем. Подумав об этом, он твердо произнес:

— До конца моих дней я буду оберегать и баловать вас.

Янь Сюнь еще не осознавал всей глубины чувств учителя, но, услышав это, радостно спрыгнул с кушетки и принялся весело скакать по комнате, точно белый кролик, добравшийся до корзины со свежими овощами.

Сяо Юэбай не смог сдержать улыбки. Четырнадцатилетний Янь Сюнь перед чужими людьми всегда держался отстраненно и холодно, и лишь наедине с ним позволял себе быть таким непосредственным ребенком. От этого зрелища на сердце у учителя становилось так сладко, будто оно было переполнено медом.

Наконец Янь Сюнь подбежал к нему, схватил за руки и стал раскачивать их, то и дело повторяя:

— Учитель, учитель, учитель...

Внезапно он замер, отпустил руки Сяо Юэбая и бросился в спальню, вернувшись оттуда с баночкой мази.

— Давайте я обработаю ваши ноги, — дождавшись кивка, Янь Сюнь осторожно снял с него туфли и чулки. Ступни Сяо Юэбая, белые, с тонкими костями, всё еще оставались припухшими.

Юноша ровным слоем нанес мазь и принялся осторожно втирать её, чтобы лекарство быстрее впиталось. При этом он с горечью пробормотал:

— Императорский брат был слишком жесток. Я обязательно заставлю его заплатить по этому счету.

Сяо Юэбай молча улыбался. Спустя долгое время он тихо спросил:

— Ваше Высочество, а ты когда-нибудь думал о том, чтобы занять трон?

Тем временем Чжоу Це вместе с главным евнухом получили именные списки. Около двух часов они потратили на то, чтобы проверить каждого слугу в покоях наложниц. Никто не пропадал, никто не умирал.

Когда они подошли к Восточному дворцу, где жил наследный принц Янь Юй, главный евнух внезапно охнул и повалился на землю. Схватившись за живот и искажившись от боли, он судорожно выдохнул:

— Ох... мне... худо...

<http://bllate.org/book/17467/1697817>